

ПРЕДСТОИТ ОСУЩЕСТВИТЬ

**Беседа обозревателя журнала,
доктора педагогических наук,
профессора Я.С. Турбовского с министром
образования РФ В.М. Филипповым**

Владимир Михайлович, Вы уже не первый год возглавляете отечественное образование, пытаетесь чего-то добиться, что-то изменить, от чего-то отказаться и, конечно, стремитесь при этом доходить до каждого региона и до каждой школы. Прошедшие годы позволяют уже оглянуться, оценить собственные шаги на этом поприще, отметить, что удалось, а что не удалось сделать, и, наверное, определить, в каком направлении двигаться дальше? И даже о чём мечтается с позиций сегодняшнего дня, каким видится ближайшее будущее отечественного образования?

Очень хорошо, что Вы, Владимир Михайлович, поднимаете именно эти, действительно судьбоносные для отечественного образования вопросы. Вы, наверное, помните, какими жаркими были дискуссии в начале 90-х, связанные с перспективами развития образования. Каким ему быть — государственным, государственно-общественным, общественно-государственным? Какая из этих точек зрения Вам сегодня представляется наиболее оправдавшей себя, исторически продуктивной?

— Естественно, что полного удовлетворения, а тем более успокоения, нет. Но когда смотришь с такой позиции на пройденный путь, нельзя не видеть сделанного. За эти годы были разработаны и утверждены Федеральная программа развития образования, Национальная доктрина образования и Концепция модернизации образования. И дело не столько в том, что государственные документы такой сложности и важности достаточно объективно отражают масштабы и объём проделанной работы, сколько в том, что без них невозможно нарастающее развитие системы отечественного образования. Хочу подчеркнуть, что предстоит сделать намного больше, потому что сейчас главное — реализовать, воплотить в жизнь эти программные документы. И при этом так, как намечено.

В первую очередь нам предстоит обеспечить доступность образования и разрешить весь комплекс проблем, связанных с повышением его качества. Мы стоим перед осознанной необходимостью ответить на судьбоносный для нас всех вопрос — каким быть отечественному образованию, хорошо понимая зависимость нашего будущего от выбора направления его развития.

— Да, сегодня эти вопросы потеряли прежнюю дискуссионную остроту. Время ответило на них. Сводить развитие образования однозначно к исключительному ведению государства уже никто не готов, и ничего из этого, кроме огромных социальных потерь,

не выйдет. Говорить о полном приоритете общественного образования, а государству оставлять только функцию поддержки, тоже не приходится. Общество не готово и к этому. Остаётся единственный выбор, при котором эту роль берёт на себя государство, но при чётком осознании того, что мы не сможем эту задачу сколько-нибудь успешно решать без общественности.

Отдавать школу полностью во власть государства даже в таком вопросе, как финансирование, уже нельзя, да и просто не получится.

Мы все сегодня понимаем, что, по крайней мере, в ближайшее время бюджетных денег у государства не будет. Значит, мы поставлены перед необходимостью привлечь внебюджетные источники. А если это так, если мы привлекаем для этой цели средства родителей, благотворителей, то, хотим мы этого или нет, — вынуждены привлекать их к решению вопросов управления образованием. Иначе, мягко говоря, получается нелогично: деньги вы нам дайте, а в управление не вмешивайтесь. Такого не бывает!

Поэтому мы должны научно раскрыть, что представляет собой система государственно-общественного управления образованием, и всесторонне нормативно защитить и обеспечить возможность её продуктивного функционирования и развития.

Значит, мы как бы осознали необходимость создания именно такой системы управления развитием образования, но, как теперь принято говорить, нужного для этого механизма у нас нет?

— К сожалению, в отличие от многих развитых демократий, имеющих отлаженные схемы взаимодействия общества и государства, такие механизмы нам только предстоит создать. И эта работа идёт полным ходом. Нам нужен механизм, в основе которого должна быть чёткая нормативно-правовая база, гарантирующая продуктивность проявляемой активности и саму правомерность намечаемых действий. Причём такой закон призван играть особую роль, с одной стороны, тормозить незрелые, неподготовленные инициативы и мероприятия, с другой — гарантировать обязательность исполнения того, что подготовлено временем и вызрело как необходимость в самой системе отечественного образования. Для обеспечения эффективного управления для нас особенно важна обязательность исполнения намеченного.

Можно привести вот какой пример. У нас есть Указ Президента РФ от 31 августа 1999 года, в котором школам рекомендуется создавать попечительские советы. Но столь важный Указ не работает. При всех других значимых обстоятельствах основная причина его неэффективности в том, что Указ **рекомендует** это осуществить. А директора школ посмотрели-посмотрели и решили: «да шут с ними, с деньгами», которые или появятся, или нет с помощью попечительских советов, а вот контроля, вытекающего из создания советов в школе, — не хотим». И нет по сей день столь нужных школе попечительских советов.

Поэтому когда будет закон, обязательный для исполнения, из которого будет неукоснительно следовать, что управление школой носит государственно-общественный характер, с желаниями и нежеланиями управленцев от образования будет покончено. И не только попечительские советы будут созданы, но и всё, что закон от каждого потребует. И мы добьёмся того, чтобы закон выполнялся не формально, а по сути своей, и попечительские советы сказали бы от имени широкой общественности своё веское слово в развитии современного образования.

Если я правильно понял, то сегодня основным препятствием на пути укрепления общественного влияния на деятельность школы являются сами руководители школ, ради оказания необходимой помощи которым должны быть созданы попечительские советы?

— В какой-то степени да. Но проблема намного сложнее и не может сводиться к такому поверхностному объяснению. И если говорить откровенно, то не в директорах школы и их нежелании вина. Это нас так воспитали, а мы их, что они боятся любого контроля. И поэтому делают всё от них зависящее, чтобы «закрыть» свою школу от посторонних, избавить её от какого бы то ни было внешнего вмешательства, малейшей возможности выносить, как очень метко сказано, сор из избы. И хотя во всём цивилизованном мире в образование привлекаются средства благотворителей, а инвесторам предоставляется полная возможность контроля за тем, куда и как эти деньги направляются

и используются, мы сами по-прежнему оказываемся психологически не готовыми к тому, чтобы добровольно открыть себя контролю со стороны. Даже если очевидно, что это не только необходимо, но и выгодно всем. И я понимаю руководителей школ, потому что за всем этим трудно устранимый социальный шлейф, и нам много надо изменить в наших отношениях, в нравственной атмосфере, сказывающейся, несомненно, на всей совокупности вопросов, связанных с управлением и развитием системы отечественного образования.

Участие общества в жизни школы становится особенно актуальным в воспитательном контексте. Школа не может, а точнее, не должна быть закрытым от общества, казарменным учреждением.

— Абсолютно верно. Это лежит на поверхности — достаточно часто школы стремятся ограничивать свою деятельность обучением, а вопросы воспитания, неосуществимые без общественного влияния, оставлять на втором плане. И, по сути, самая главная функция образования — воспитательная — остаётся нереализуемой. А ведь за этими привычными словами о связи «школы и общества» скрыты достаточно простые отношения и ценности — семья, здоровье и социальное самочувствие ребёнка, нравственные ориентиры, по которым он живёт и — что самое главное — стремится жить.

А ведь бывает, что учитель, считающийся в школе хорошим предметником, наносит невосполнимый воспитательный вред, что лучше бы его совсем не допускать к детям.

Без заинтересованного взгляда общественности, притом, подчеркну, изнутри — такие факты, как правило, остаются скрытыми и, как правило, трудно решаемыми самой школой, зачастую даже при желании её руководства. И поэтому, если действительно хотеть поднять на должный уровень воспитательную работу, необходимо резко наращивать влияние общественности на жизнь школы.

И что же для этого конкретно будет сделано? Благодаря чему может быть изменено сложившееся отношение школ к связям с общественностью?

— В первую очередь необходимо принять поправку к Закону «Об образовании», согласно которой **при каждой школе в обязательном порядке** будут созданы попечительские советы, наделённые определёнными **управленческими правами**.

Могу с определённым удовлетворением отметить, что для того, чтобы намечаемое нами стало реальностью, мы уже сделали первый шаг. А за ним последуют очередные, необходимые ещё два шага. Так, мы сделали **все российские школы** юридическими лицами, и уже в этом году мы постараемся, чтобы каждая школа заимела свой бюджетный и внебюджетный счёт. А в следующем году мы опубликуем в Интернете адреса и реквизиты всех наших 65 тысяч школ. Это позволит всем желающим напрямую связываться со школой, помогать ей без каких-либо посредников. Все желающие, все бывшие ученики смогут помочь своей школе материально. Деньги будут поступать прямо и только на счёт именно этой школы. А созданные попечительские советы смогут принять прямое участие не только в контроле обоснованности их использования, но и непосредственно в распределении. Уже в ближайшее время все экономические дела каждой школы станут для общества открытыми и прозрачными. Не надо никому объяснять, насколько это будет способствовать созданию и укреплению нравственной атмосферы в жизни школы, в непростых её отношениях с семьёй каждого ученика.

Конечно, предстоит большая работа, особенно важно широко освещать по всем информационным каналам её положительный социальный смысл. Очень важно, чтобы в непростых для школы условиях каждая семья, каждый выпускник задумались, чем они могут помочь, чем могут быть полезны.

А ведь речь идёт о сотнях тысяч, миллионах выпускников, которых школы в течение десятков лет выпускали в большую жизнь.

Думаю, нет, я убеждён, что намеченное в укреплении экономической самостоятельности школ обязательно приведёт к кардинальным изменениям в решении столь актуальной проблемы.

Владимир Михайлович, в ряде статей и даже фундаментальных работ, в частности, в одной из последних концептуальных разработок проекта стандарта образования, приходится встречаться с утверждением, что вариативность представляет опасность для целостности системы образования. И что стандарт должен стать средством устранения этой опасности. Считаете ли Вы такую позицию правильной?

— Нет, я так не думаю. А вот отсутствие вариативности, несомненно, опасность и, может быть, самая главная для системы отечественного образования, обрекающая её на застой и торможение.

Представьте, что будет разрешён только один учебник. И ничего другого быть не должно. Мы неодолимо опять вернёмся к тому, что новаторы типа Шаталова, Лысенковой будут вынуждены пробивать свои методики, вступая в бесконечный разрушительный поединок с системой образования.

Конечно, вариативность не должна быть самодовлеющей и, по сути, анархичной ни по отношению к учителям, ни по отношению к ученикам. Ведь тогда становится не только очень сложным, но и нерешаемым даже такой жизненно важный для каждого вопрос, как переход из одного учебного заведения в другое. В разных школах — разные системы обучения, разные учебники, разные уровни требований. Эта недопустимая анархичность скажется на семье, когда бывает, что даже в июле, перед самым началом учебного года, родители не знают, какой учебник покупать.

При всём этом мы должны понимать, что такого рода завихрения ничего общего с вариативностью образования не имеют. Реализация принципа вариативности должна быть продуманной, разумной и продуктивной. И не в последнюю очередь управленчески взвешенной и обоснованной. И дело здесь не в каких-то бюрократических препонах, а в чётком понимании и обоснованной необходимости ввода новой программы или нового учебника. Система образования не может не быть единой, но не должна быть единообразной. А вариативность призвана способствовать её эффективному развитию, а не разрушению. Развитие системы образования нельзя уподоблять соревнованию, кто скорее. И поэтому любые инновационные придумки не могут внезапно, неподготовленно обрушиваться на головы учителей, учеников, родителей. Принцип вариативности не только не исключает необходимой для системы образования стабильности, уверенности в завтрашнем дне, но и не может без этих оснований сколько-нибудь эффективно быть реализованным.

С этим нельзя не согласиться. Творческая инициатива только тогда продуктивна, когда органично связана не только с высочайшим профессионализмом, но и чётко представляемыми возможными последствиями и, конечно, пониманием, как это скажется на людях. Но у вариативности есть и другая сторона, когда речь идёт не об учебниках, а о разных типах школ, которые уже существуют и действительно отличаются друг от друга.

— Совершенно верно, с этим, как с реально сложившейся действительностью, не считаться нельзя. Но именно поэтому нужны учебники, изначально учитывающие разноуровневый характер учебных заведений. А учитывая профильность обучения, нужно, чтобы учебники были не только разными, но и чтобы в одном и том же учебнике учитывалась и обеспечивалась возможность соответствия разным по сложности требованиям. И, таким образом, мы поставлены перед необходимостью системной реализации принципа вариативности, реализуемой в каждом учебном классе.

В нашем журнале «вариативность образования» — это не то, что угрожает целостности системы отечественного образования, а её фундаментальная основа, без постоянной опоры на которую образование развиваться не может.

— Вы правы. Потому что принцип вариативности не только раскрывает то, что только должно быть сделано, но и отражает органическую природу развития и функционирования системы образования. Причём отражает системно. Ведь не только дети разные, не только разнятся, порой принципиально, методики обучения, но разнятся и потребности государства и общества. И система образования не может не откликаться на эту совокупность запросов и потребностей, тем более что и они непрерывно изменяются. В условиях жесточайшей конкуренции, в которую мы всё больше будем втягиваться, именно вариативность может и должна стать той основой, благодаря которой наша страна сохранит за собой позиции передовой державы.

И именно поэтому теоретическая позиция, раскрывающая и отстаивающая фундаментальную значимость и ценность вариативности, несомненно, продуктивна. Особенно в современных условиях, когда нам предстоит всё больше опираться на этот принцип.

И мы будем всемерно поддерживать всех, кто раскрывает пути его реализации на теоретическом и технологическом уровнях и непосредственно в массовой практике.

Владимир Михайлович, есть один вопрос, который из-за своей социальной остроты требует тщательнейшей осторожности, и всё же именно поэтому нужно, чтобы прозвучало лично Ваше мнение. Речь идёт о введении курса по православной культуре в массовую светскую, исходя из Конституции и Закона «Об образовании», школу. Хорошо известно, что школа не приемлет никаких радикальных, резких, даже методических нововведений. И это тем более так, когда вопрос идёт о нововведениях, острота которых носит откровенно социальный характер. Причём при решении таких вопросов бывает не так важно, о какой инновации речь, как вопрос о своевременности её введения. И поэтому безотносительно к той критике, которая раздаётся о недопустимости введения этого курса в общеобразовательную школу, есть необходимость понять, своевременно ли в наших сегодняшних условиях ставить вопрос о введении этого курса в школу, надо ли сегодня углублять и без того избыточно конфликтную ситуацию? Или именно сейчас в таком курсе есть необходимость?

— Очень хорошо, что Вы подняли этот вопрос. Он действительно социально актуален и при этом не прост. И именно в таких вопросах не должно быть никаких недоговорённостей и неясностей. Всем должно быть всё понятно. Причём — одинаково понятно. Речь идёт только об основах православной культуры. Обратите внимание, мы в течение многих лет обучения в школе привычно употребляем словосочетание «культура России». А между тем составляющей этой культуры во многом и в течение многих веков является культура православная. Ведь мы в школе не учим зодчеству, духовной музыке, да и кто знает хотя бы одного композитора духовной музыки? Ни по одному из этих важнейших в истории отечественной культуры вопросов мы буквально ничего не знаем. Это стыдоба! Я уже не говорю о живописи. Ко всему этому огромному пласту великой культуры у нас либо непонимание и незнание, либо отторжение.

Действительно, стыдно, придя в Третьяковку, не знать ни одного сюжета, представленного на произведениях искусства. А ситуация, когда все иностранцы буквально рвутся в наши знаменитые, расписанные талантливейшими художниками церкви, а потом сравнивают наше зодчество со своим, этим самым душевно приобщаясь не только к своей культуре?

Поэтому ещё и ещё раз подчёркиваю, что речь идёт не о преподавании религиозного культа, или собственно православия, а о работе на материале великой культуры, умалчивать которую перед нашими школьниками недопустимо.

Но вот что я считаю необходимым сказать, может быть, впервые, обращаясь к широкой аудитории. В нашей светской федеративной школе необходимо говорить — и притом совсем иначе — о мусульманской культуре. Если Россия сотни лет была под тем, что мы называем татаро-монгольским игом, то почему мы, не задумываясь, пользуясь привычным набором словесных штампов, говорили и продолжаем говорить о том, что это было только иго? Если была страна, если был народ, оказавшийся способным завоевать огромные территории, то у такого народа не могло не быть своей культуры. Такой культуры, которая оказалась в той или иной степени воспринятой другими народами и другими культурами. И этого нельзя упускать, а поэтому надо знать, какой след оставлен в жизни нашей страны этой культурой. И это знание так или иначе должно касаться всех.

Я, к примеру, родом с Дона. И у нас принято считать как само собой разумеющееся, что во многих из нас течёт татарская кровь. Поэтому я как личность, как человек, причастный к отечественному образованию, не могу не стремиться изменить сложившуюся ситуацию. Я за то, чтобы этот огромный исторический период не сводить только к самому факту завоевания, ига и угнетения. Но пока, к сожалению, именно этот момент поставлен во главу изучаемого материала, составляя его идеологическую, мировоззренческую основу. Не изучая татарскую культуру, ограничиваясь поверхностным преподнесением «ига», мы не только ничего не даём нашим детям в познании этого периода, но и перекрываем сам путь к пониманию исторического процесса в его действительной сложности и противоречивости, в непрекращающемся взаимодействии и взаимовлиянии культур. Сегодня, повторюсь, недопустимо освещать историю, не раскрывая роли тех реально действовавших деятелей, создававших искусство того или иного народа, не упоминать имён тех, кто внёс неоценимый вклад в укрепление связей между разными культурами. Ведь за каждым таким именем содержательное и духовное богатство, которое принадлежит не только тому или иному народу, а всему человечеству.

Поэтому я сторонник создания программ и соответствующих им учебников по истории всех основных мировых религий, которые есть в РФ. Это — православие, мусульманство, буддизм, иудаизм. Эти религии в течение тысячелетий сказывались на духовном развитии человечества столь веско, что культура, испытавшая на себе их преобразующее созидательное влияние, должна изучаться непременно.

Владимир Михайлович, но такая постановка проблемы преподавания в массовой школе культуры основных мировых религий выдвигает на передний план проблему кадров, которые смогут эту благородную задачу осуществить. Ведь нужны тысячи соответствующе подготовленных преподавателей. Как будет в действительности решаться столь сложная во многих отношениях проблема?

— Начну с конкретного факта. На одних из рождественских слушаний, на которых я присутствовал, выступил представитель духовенства Петропавловской области и рассказал о том, как они попытались решить проблему преподавателей. Так как для осуществления такой цели нужно много преподавателей, то решили направить в школы специально подготовленных представителей своей паствы. Но буквально сразу же после первых проведённых ими занятий стало ясно, насколько всё получилось плохо, им пришлось от этого замысла отказаться. То, что они делали, приводило в прямом общении с детьми к противоположным результатам. У детей проявлялось нескрываемое негативное отношение к тому, что и как им преподавалось. Нетрудно догадаться, какие выводы сделаны в регионе из этого печального опыта.

А поэтому решение этой действительно непростой проблемы может осуществляться только с принципиально государственных позиций. Чтобы эффективно преподавать в современной светской школе, надо быть специально подготовленным профессионалом и, кроме своего предмета, знать педагогику, психологию, владеть соответствующими методами, вплоть до таких тонкостей, как домашние задания, опрос, проверка знаний и т.д. Рассчитывать, что с такой сложной задачей справятся подученные представители паствы, не только наивно, но и вредно для самого начинания. И не случайно в Петропавловской области пришли к однозначному выводу: преподавать культуру религий могут только профессионально подготовленные учителя.

Эту позицию министерство твёрдо отстаивает и будет проводить в жизнь. Тем более что не только наша школа — светская, но и предмет этот тоже целиком и полностью светский, а не религиозный. Причём безотносительно к какой бы то ни было религии. Однозначно признав, что этот предмет будет преподаваться факультативно и только учителями, мы ещё должны ответить — какими? Очевидно, что в основном это будут учителя истории и литературы.

И вот ещё что очень важно. Исходя из факультативного характера преподавания учебного предмета «культура религий», надо иметь в виду, что он не может и, тем более, не должен быть обязательным для всех школ страны. Он даже не может вводиться в обязательном порядке в региональный компонент образования. Как всякий факультативный предмет он преподаётся, как и другие предметы, только на основе самостоятельного выбора учащегося и, конечно, с согласия родителей.

Мы будем отстаивать порядок, при котором всё, что связано с факультативными занятиями, решается непосредственно только в школе, без какого-либо навязывания «сверху». И, конечно, ни при каких обстоятельствах нельзя допускать, чтобы школами нарушался принцип добровольности выбора дополнительного учебного предмета для факультативных занятий. Так должно быть по отношению к любому предмету, естественно, включая и «культуру религий».

Против таких всесторонне взвешенных с государственных позиций решений трудно, даже при желании, возражать. Тем более что предлагаемый подход к реальному осуществлению факультативного образования будет всемерно способствовать усилению прямого общественного влияния со стороны родителей на учебную деятельность школы.

— Именно из этого мы и исходим, решая проблему введения любого нового учебного предмета. Всё, что мы принимаем, органично увязывается с расширением воспитывающего потенциала каждой школы, всемерного укрепления её связей с общественностью вообще и с семьёй в особенности.

Владимир Михайлович, присутствуя на многих Ваших публичных выступлениях, неоднократно беря у Вас интервью, я мог убедиться, насколько осторожно подходите Вы к вопросам, когда надо назвать фамилию конкретного человека. И всё же в реальной действительности, где всё делается конкретными людьми, где без их ума, энергии, целеустремлённости ничего не происходит, за фамилией конкретного человека — не только оценка его труда, но и определённая тенденция, определённая совокупность решаемых задач. И поэтому, если можно, скажите, кого Вы считаете своими соратниками, кто из руководителей на федеральном и на региональном уровнях отражает наиболее перспективные тенденции современности?

— Вы точно подметили моё отношение к озвучиванию фамилий конкретных людей. Делаю я это не только потому, что независимо от моего желания произносимое министром образования носит официальный характер. И, следовательно, приобретает вес государственной оценки. А потому, что, с моей точки зрения, самой главной фигурой в современных условиях является учитель. Этого нельзя не понимать и об этом нельзя не говорить. Когда у него не хватает приборов, реактивов, учебников, а нехватку учебных пособий приходится восполнять огромной подготовительной работой — ведь на урок надо прийти оснащённым с учётом современных программных требований, когда ему даже зарплату вовремя не выдают, он все эти годы вынужден, прямо говоря, изворачиваться и самостоятельно находить решения. Ведь учебный процесс не отложишь! И я с искренней благодарностью отмечаю, что, несмотря ни на что, большинство наших учителей реализуют требования стандарта на очень хорошем уровне. И так, к сожалению, по сей день получается, что то, что недоделывается на федеральном, региональном и даже на муниципальном уровнях, буквально вынужден обрабатывать современный отечественный учитель. Я употребил слово «отечественный» не формально, а чтобы сказать об учителе, пожалуй, самое главное — он действительно, как никто, служит отечеству.

Я восхищаюсь современным учителем, который вопреки неблагоприятным условиям, вплоть до неотапливаемых помещений, делает всё необходимое на таком профессиональном уровне, что буквально диву даёшься.

Если говорить о руководителях, признавая роль любого руководителя образования, от которого действительно многое зависит, — в современных условиях я бы считал необходимым выделить особую ключевую роль губернаторов. Наблюдая и анализируя состояние регионального образования, могу с обоснованной определённостью отметить, и в этом, наверное, историческая и социальная особенность нашего времени, каков губернатор — такова и команда его единомышленников, таковы и результаты их общей деятельности.

Вот только недавно у меня была команда управленцев Томской области во главе с губернатором. В.М. Кресс взял их с собой, чтобы совместно, как он выразился, «сверить часы» по всем направлениям развития образования. При таком отношении губернатора и его управленцев к образованию невозможно не видеть государственной обеспокоенности, которая единственно может быть гарантией осуществления совместно намечаемых планов. При этом я имел возможность неоднократно убеждаться в профессиональной компетентности людей, осознающих ничем незаменимую роль опережающего всестороннего согласования намечаемого, выявления необходимых средств и резервов, определения конкретных ответственных и сроков исполнения. Т.е. всего того комплекса вопросов, без предварительного решения которых намечаемое так и останется в области благих пожеланий, не превратившись в реальное дело.

Не могу не отметить, что региональных руководителей, по-настоящему заботящихся о нуждах образования, становится всё больше. Губернаторы не на словах, а на деле понимают, что без образования ни стране, ни отдельному региону наших тяжелейших проблем развития не решить. И это понимание продиктовано не только высокими государственными соображениями, но и, как говорится, простыми жизненными потребностями. Ведь каждый человек напрямую связан с образованием — или дети учатся, или близкие работают и т.д.

Признаюсь, что из своих многочисленных командировок по России многое для себя очень важного вынес, многому у региональных руководителей учился. При этом отметил, что у каждого из них есть «свой конёк».

Всем хорошо известно, как много для образования делает губернатор Кемеровской области. Но особую важность для А.М. Тулеева имеет всё, что связано с устранением беспризорщины. И проблему эту он пытается решать системно. Поэтому он уделяет при-

стальное внимание кадетским учебным заведениям и, что особенно важно, воспитательной работе в массовой школе.

Очень много для развития образования делает Д.Ф. Аяцков, не только вкладывая «свои» бюджетные средства, но и делая всё, от него зависящее, для привлечения в школы внебюджетных средств, не различая их по ведомствам, не деля на «своих» и «не своих». Все школы области для него **свои**, даже если они находятся в федеральном ведении. По-государственному относясь ко всему комплексу проблем, связанных с армией, он уделяет особое внимание развитию и эффективной деятельности военных училищ, понимая их роль в становлении нашей армии. Казалось бы, зачем ему вся эта дополнительная работа? Но именно такой, не узко региональный, а по-настоящему государственный подход всё больше начинает характеризовать деятельность наших губернаторов.

Если продолжить эту мысль, то нельзя умолчать о том, что делается в образовании Москвы. И всё это напрямую связано с деятельностью Ю.М. Лужкова.

Настоящим, по сути, удивительным примером связи положения дел в регионе и губернатора является Московская область, неразрывно связываемая теперь в общественном сознании с именем Б.В. Громова. В течение ряда лет, по крайней мере двух, со времени моего прихода на должность министра образования область всё время была в должниках. Пришёл Громов и всё, как в сказке, изменилось. Буквально за месяц-другой ситуация стала кардинально неузнаваемой. Область не только рассчиталась с долгами, но и через полгода установила 40%-ю надбавку к зарплате всем учителям области. А ведь нельзя не понимать, что в экономике области за такое время нельзя добиться коренных изменений. Но была проявлена политическая воля, обусловленная пониманием роли, которую играет школа не только в будущем страны, но и в формировании эмоционального настроения и реального отношения жителей области ко всему, что в области делается и что предстоит делать.

Ощувив моральную поддержку широкой общественности, область приступила и к решению неотложных, требующих оперативного решения проблем, и к разработке и принятию стратегических программ, определяющих развитие образования на долгие годы.

Обобщая, могу сказать, что сегодня многие губернаторы стремятся системно, взаимодействуя с нами, решать проблемы развития образования. В такой опережающей взаимосогласованности содержится гарантия успешности разрабатываемых программ и планов.

Стремясь усилить нарождающуюся тенденцию проявления творческой активности, мы проводим конкурс «Лидер образования». Это высокое звание, сопряжённое со столь же высоким общественным признанием, относимо не только непосредственно к работникам образования, но и к российским губернаторам.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что большинство губернаторов подают пример государственным управленцам, как надо относиться к образованию. И не случайно В.В. Путин, бывая в регионах, не упускает из вида проблемы образования, что сказывается на отношении к школе руководителей регионов. Сегодня уже никого не может удовлетворить сколь угодно эмоционально проявленная на словах озабоченность. Когда регионы ставят вопрос об оказании экономической помощи, без серьёзного обоснования и соответствующей программы, разработанной и поддержанной на региональном уровне, вопрос даже не рассматривается. Если такая программа есть, если она обоснована и подкреплена конструктивным участием региона, предпринимаются необходимые действия, принимаются адресные решения. Для организации такой работы мы за эти годы немало потрудились. Наш опыт убеждает, что основным звеном, определяющим развитие регионального образования, особенно школьного, являются губернаторы. Достигнутый в этом направлении уровень управления образованием создал необходимые предпосылки для системной регионализации системы отечественного образования. Регион становится основным структурным звеном управления

образованием. Для придания этим намерениям государственной силы Президент внёс в Думу законопроект, возвращающий две основные статьи — зарплату и учебные расходы — с муниципального уровня на уровень региона как субъекта федерации.

Значит, если я правильно понял позицию министра, регион становится фундаментальной основой функционирования и развития образования, призванной нести ответственность за положение дел в каждой школе?

Владимир Михайлович, очень хорошо, что Вы затронули вопрос об отношении министерства к школьному учебнику. Когда речь идёт о повышении качества обучения, то это, в первую очередь, вопрос о качестве учебника. Но на этом «издательском поле» проблема решается «количественно», а не качественно. Не пришла ли пора в этой сфере не только ограничить административным путём количество издаваемых и сертифицируемых министерством учебников, но и выявить пути создания нового типа учебников, в первую очередь понятных и интересных тем, для кого они создаются?

— Только так и должно быть в условиях федеративного государства. Федеральный уровень не может всесторонне учитывать специфику каждого региона, не может и не должен за его управленцев решать неотложные оперативные задачи. Мы можем и должны создавать необходимые условия для эффективной деятельности каждого региона как составной части единого государства. Мы обязаны создать необходимую нормативную базу, помогать её выстраивать и совершенствовать, чтобы она не мешала работать. И, конечно, за нами остаётся задача пропаганды и распространения опыта. И чем меньше потребуются нашего вмешательства в дела регионов, тем лучше. Власть, необходимая для обеспечения непрерывного и эффективного функционирования школ, будет передана регионам. За федеративным уровнем останутся три системообразующие задачи — нормативная база, учебники, содержание образования.

В этом распределении функций мы, с одной стороны, видим, реальное отражение пути, пройденного системой отечественного образования за эти годы, той роли, которую она сыграла в укреплении целостности нашего государства, с другой — выявленную возможность реального и притом эффективного управления развитием отечественного образования, строящегося на всестороннем учёте общегосударственных и общественных интересов, удовлетворяемых в каждом регионе и конкретно в каждой школе.

— Что касается количества, то этот вопрос хоть и не просто, но решается. Мы всё больше убеждаемся в необходимости издания не более трёх учебников по одному предмету и для одного класса. Это позволит решить целый ряд очень важных задач — дифференцированной возможности выбора, необходимого уровня стабильности, соответствия требованиям стандарта, приемлемого для школы тиражирования. Более сложно дело обстоит с критериями оценки рукописей учебников, представляемых на конкурс. И всё же такие критерии уже выработаны. Теперь основным критерием будет идеология, лежащая в основе учебника, обеспечивающая не только отбор фактов, но и их авторскую интерпретацию. И, естественно, сама логика изложения и степень её доступности, обязательно адекватной возрасту ученика, его готовности к восприятию. Мы больше не будем ограничиваться формальным соответствием требованиям программы. Учебник — книга для учителя и учеников. Она должна быть им интересной и осознаваться каждым из них нужной. И только этим мы будем руководствоваться, решая судьбу представленных рукописей. Мы больше не допустим того, чтобы вопросы количества издаваемых учебников, решающих в основном проблему выкачивания денег, ставились во главу издательской деятельности. Только забота о качестве самого учебника, его изначальной готовности быть интересным учителю и ученику будет для нас решающей.

И поэтому мы приняли закон, который **не позволяет без нашего грифа** допускать в школы учебники, что в прошлые годы делалось повсеместно. И если теперь с нас будут спрашивать за качество учебников — это будет справедливо.

Хочу читателей журнала, а это учителя, руководители школ и разных уровней системы образования, заверить, что мы провели большую работу, чтобы не только нести эту ответственность, но и кардинально изменить положение дел в издании учебников. С введением этого закона мы действительно получили мощный рычаг влияния на издательскую деятельность по производству школьных учебников. Причём — **всех**. И, в частности, даже учебники по православной культуре и всех остальных религиозных культур будут изданы и допущены в школы только при наличии грифа Министерства образования Российской Федерации.

Владимир Михайлович, в связи с чрезвычайной остротой проблемы невозможно не поднять вопрос о сельской школе, её состоянии и ближайших перспективах. Общественность приходит буквально в ужас от самой мысли о возможности закрытия сельских школ. Мы ведь всё это уже проходили. Не так ли?

— Так, конечно! Но обратите, Яков Семёнович, внимание: когда мы не разрабатывали никаких программ развития сельской школы, когда не принимали постановлений Правительства РФ по оптимизации сети сельских школ, то в течение 10 лет без каких-либо конфликтов и споров, спокойно сельские школы закрывали. Да ещё в каких количествах?! Назову только некоторые — подчеркну! — **официальные данные:** за 10 лет, начиная с 1991 года, в стране закрылось 2 тысячи сельских школ. Но как только начали разрабатываться программы развития сети сельских школ, буквально мгновенно была предпринята попытка доказать, что это делается для экономии средств, выделяемых для сельской школы. Нет смысла дискутировать с теми, кто не делом интересуется, а дивидендами, которые из такой шумихи можно извлечь. Но всё-таки давайте разберёмся.

Если бы кто-нибудь из государственных руководителей был заинтересован в такой близорукой экономии, то разве начала бы претворяться в жизнь программа компьютеризации сельской школы?! А ведь эта программа, инициирована Президентом, осуществляется не для закрытия сельских школ, а для их активного сохранения и развития. Не предоставив сельским школам возможности использовать информационные технологии, мы оставим их вне современной цивилизации. Нет сегодня другой возможности сделать жизнь школьников и села интересной, содержательной и интеллектуально богатой.

Самые современные технологии доступа к информационным ресурсам внедряются в первую очередь в сельских, а не в городских школах. В действительности же когда речь идёт о развитии сельской школы, проблема только одна — качество образования и общее развитие школьников. А именно она решается хуже, чем в городской школе. Понятно, что, давая такую оценку, я отталкиваюсь от усреднённых показателей. И хотя в сельских школах есть замечательные учителя, да и школы, но всё же приходится признать их отставание по качеству образования. Эта трудно поддающаяся изменению ситуация нередко подталкивает родителей к тому, чтобы уезжать туда, где их дети смогут получить качественное образование. Эта забота о будущем своих детей не может не приниматься во внимание государством, если оно действительно проявляет заботу о нуждах своих граждан. И, судя по тому, что происходило с сельской школой в предыдущие годы, какие разрушительные тенденции определяли её развитие, мы рискуем, не решив эту проблему, пустить на самотёк этот сложнейший — подчеркну — **уже происходящий процесс** закрытия школ. А значит, что нам действительно хорошо из нашего прошлого известно, и деревень. И поэтому мы чётко представляем, насколько такое развитие опасно. Именно поэтому сейчас разрабатывается целая серия мер, направленных на решение проблемы не закрытия, а всемерной поддержки сельской школы.

Для нас очевидно, что для решения такой сложной проблемы одного варианта быть не может. При этом даже кажущийся самым лучшим не может административно навязываться людям, чьи судьбы он так или иначе затрагивает. Поэтому мы не только отработываем разные варианты, но и ищем пути согласованного взаимодействия непосредственно с жителями села. В результате разрабатывается целостная дифференцированная совокупность программ. Это и программа «сельский автобус», когда детей подвозят к школе, это и программы для регионов, где такую подвозку организовать невозможно, решающие проблему качественного образования на основе современных информационных технологий, Интернета, это и программы, обеспечиваемые пятидневным проживанием детей непосредственно в школе. Естественно, что в этих случаях речь идёт о старших 10–11-х классах.

Есть, наконец, и программа «лаборатория». Суть её в том, что в регионах с большой плотностью населения (европейская часть страны) создаются передвижные лаборатории, оборудованные по последнему слову техники и учебной технологии. По определённому графику они будут проводить занятия в сельских школах на самом высоком уровне. Закупить же такие лаборатории по физике, химии, биологии для всех школ у нас нет возможности.

Эти программы призваны реально помогать развиваться современной сельской школе. В них проявляется истинная забота о сохранении сельской школы. К тому же те, кто поднимает шум вокруг проблемы сельской школы, не хочет принимать во внимание обстоятельство, что у нас действует закон, по которому нельзя закрыть ни одну школу без соответствующего решения схода жителей села.

Вопрос поэтому только к ним, решающим судьбу своей школы: Вы хотите сохранить школу только для того, чтобы дети были рядом с вами, и шут с ним, с качеством образования, голосуйте. И школа будет оставаться такой, как есть. Или вы за то, чтобы у ваших детей будущее связывалось с качеством полученного образования? И если положительно отнесётесь ко второй части вопроса, то давайте вместе решать, каким путём будем этого добиваться? И тогда для ваших детей будет сделано всё необходимое.

Убеждён, что никто не враг своему ребёнку. Поэтому нет такой проблемы — «закрытия сельских школ» и вопроса такого нет. И для подтверждения этого утверждения приведу только такие цифры: за прошедший год закрыто 537 сельских школ с общим количеством мест — 41 тысяча, а построено 240 школ на 117 тысяч мест. Как видим, число открытых мест в 2 с лишним раза больше, чем закрываемых.

Нетрудно за этими цифрами увидеть, что речь идёт о путях повышения эффективности и качества образования в сельских условиях. И, следовательно, именно при таком подходе проявляется забота о настоящем и будущем села и каждого сельского школьника. И мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы родители и их дети из своего села не уезжали.

Владимир Михайлович, если я правильно понимаю, то все преобразования, связанные с селом, начальной школы не касаются. Её положение как было, так и будет оставаться стабильным?

— Мало того, всё, что связано с сельской начальной школой, будет направлено на повышение качества её деятельности непосредственно в том же селе. Все школы с 1-го по 4-й класс будут обязательно сохранены. Маленькие дети должны жить в семье. И ещё одно очень важное обстоятельство. Мы всё больше склоняемся к мысли, что в начальной школе у ребёнка должен быть только один учитель. И нужно для сельской школы подготовить такого учителя. Мы вынуждены признать, что не оправдали себя надежды, связанные с привлечением в начальную школу учителей-предметников. Потери оказываются больше приобретений. Учитель в начальной школе — особая фигура. Именно от него, от того, насколько его полюбят ученики, насколько он станет для них родным и близким, зависят жизнь ученика в школе, его отношение к учению и, естественно, успешность овладения знаниями. И такого учителя, столь нужного начальной сельской школе, мы сумеем обеспечить всем необходимым.

Спасибо, Владимир Михайлович, за откровенный разговор о реальном положении нашего образования. Думаю, что наши читатели поймут и поддержат многое из намеченного и уже реализуемого в сложных современных условиях.

— Надеюсь. Но вот что я хочу в заключение сказать. Всё на земле делается и осуществляется усилиями людей, их талантом, волей. Но при этом люди должны ощущать, что их труд не остаётся незамеченным, что их инициатива не пропадает втуне. Будем же ответственно служить тому, что каждому из нас дороже всего, от чего зависит настоящее и будущее нашей страны и наших детей — отечественному образованию. А в объединении усилий — гарантия решения стоящих перед нами задач. **Н**▣